УДК 316.6 DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-241-246

КОЛЛЕКТИВИСТСКИЕ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЯН

Грищенко Михаил Александрович директор колледжа, Ростовский институт защиты предпринимателя (344029, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Сержантова, 2/104). E-mail: mihail_ag@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме исследования коллективистских и индивидуалистических ценностей в контексте формирования жизненных стратегий россиян. Исходя из понимания жизненных стратегий, как поведенческих практик, направленных на реализацию жизненных целей, приоритетов личности на основе ценностных ориентаций, автор статьи подчеркивает необходимость определения объективных факторов, ограничивающих или стимулирующие влияние коллективистских и индивидуалистических ценностей в качестве смыслов построения и реализации жизненных стратегий. Основной вывод состоит в том, что структурные и институциональные факторы в жизненных стратегиях россиян определяют действия модели успеха, отражающей социоструктурные различия в российском обществе и фиксируют слабость институциональных акторов в актуализации коллективистских ценностей как следствие неравного доступа к институциональным ресурсам. Социальная диспозиция личности содержит социально фиксированные установки, ориентированные на воспроизведение инструменталистского активизма.

Ключевые слова: *жизненные стратегии, социальная диспозиция, структурные ограничители, институциональные акторы, коллективистские и индивидуалистические ценности, социоструктурные различия, жизненные цели, социальные изменения, индивидуальная свобода.*

Актуальность темы исследования. Жизненные стратегии в российском обществе являются предметом изучения социально-гуманитарной мысли в рамках системного анализа социальных изменений в российском обществе. Примечательно, что обращение к данной теме зафиксировано в работе К.А. Абульхановой-Славской позднеперестроечного периода [1]. Возникшая социальная действительность сформировала запрос на осмысление сдвигов в жизненных целях и жизненных приоритетах россиян. Привычная схема жизненной траектории «советского человека» опровергалась на «глазах» и нормой становится «разнодействие» и «разномыслие» построения жизненных стратегий. Обращение к ценностям не являлось случайным выбором автора, так как проявилась тенденция к утверждению приватного пространства, ухода от стандартов поведения и восприятия, жизненные стратегии стали трактоваться как сфера индивидуальной свободы и частного выбора.

Подводя определенные итоги прошедшему пути критической рефлексии жизненных стратегий россиян, в «сухом остатке» можно говорить о двух результатах: первый связан с признанием многообразной конфликтности жизненных стратегий в российском обществе и перехода на исследования «полилогического» характера, во-вторых – поиска социальных факторов и механизмов, способствующих или препятствующих реализации жизненных стратегий конкретных социальных групп и слоев.

Так как российское общество является социально дифференцированным, социальные и культурные различия обретают качества социокультурных расколов и диспропорций, трудность исследовательской задачи заключается в том, возможно ли определение доминант в построении жизненных стратегий россиян и являются ли избранные исследовательские схемы достаточными для того, чтобы быть не только объяснительными в период социальной неопределенности, но и содержать аналитический потенциал.

Актуальность рефлексии жизненных стратегий выходит за пределы теоретико-концептуального осмысления. Работы российских исследователей выдержаны в рамках структурно-институциональных схем показали важность определения рамок аксиологического (ценностного) аспекта, выявление объективных факторов ценностной детерминации жизненных стратегий, так как ценности, являясь социально-значимыми смыслами человеческой деятельности, влияют не только на обоснование конечных, идеальных целей, но и определяет векторы развития общества, делают ценностную сферу интересной с точки зрения изучения взаимосвязанных социальных факторов, как базовые ценности, социальные установки, поведенческие модели [2]. С опорой на отмеченные условия, есть смысл обратиться к актуализации объективных факторов ценностной детерминации жизненных стратегий в российском обществе.

Методология исследования. В рамках реализуемого исследования вполне обоснованным является выбор методологии, определяемой дискурсом обсуждения ценностей в российском гуманитарном сообществе. Есть сложность проекции ценностей на социально-мировоззренческие и идеологические координаты социальных групп и слоев, но не прослеживается взаимосвязь между выбором жизненных стратегий и идеологической ориентации по схеме «левые – коллективисты», «правые –индивидуалисты».

Очевидно, что объективные факторы ценностной детерминации жизненных стратегий требуют анализа и осмысления структурных и институциональных возможностей и ограничений, актуализирующих и определяющих объем влияния на жизненные стратегии набора ценностей. Разработанная в советский период в работах М.С. Кагана, Л.М. Архангельского, Л.Н. Столовича, О.Н. Дробницкого [3, 4, 5] методология опиралась на марксистский классовый анализ, что объективно сужало возможности рефлексии жизненных стратегий вне социально-классовых детерминант, привязки ценностей к базовым идеологическим смыслам. Хотя следует признать, что в работах М.С. Кагана и В.К. Шохина достижением являлось включение дискурса деятельности, понимание автономности ценностной детерминации как фактора социального саморазвития, выстраивание ценностной иерархии на основании индивидуальной значимости.

Постсоветский период показал тенденцию поворота к субъекту в осмыслении ценностной детерминации, поиску духовной целостности и духовной наполненностью в определении человеческой индивидуальности как субъекта ценностной детерминации. Индивидуалистические и коллективистские ценности рассматриваются как последовательные и непрерывные этапы детерминации жизненных стратегий в рамках социализации личности, где индивидуалистические ценности характеризуют становление личности, коллективистские – ее вхождение в «большое общество».

Предлагаемая методология исследования определяется трактовкой коллективистских и индивидуалистических ценностей как смыслов практического действия, связанных с логикой самоутверждения и расширения сферы приватной свободы или запросом на социальную интеграцию, социальную идентичность, социальное самоопределение на коллективном уровне [6]. Отсюда актуальными становятся социально-феноменологические, социально-биографические, социально-интеракционистские процедуры.

Позитивным результатом можно считать деобъективацию социальных ценностей (коллективистских и индивидуалистических), ограничение влияния «реактивности», включение ценностей в качестве детерминант, эталонов социальности. Неполнота анализируемой методологии обнаруживается в том, что ценностные детерминанты характеризуются вне понимания жизненных стратегий связи с ценностями – образцами, определяющими систему правил и установок личности в реализации ее жизненных приоритетов и целей.

Диспозиционная концепция, направленная на анализ регуляции и саморегуляции социального поведения личности, как пишет В.А. Ядов, становится «шагом» на пути ограничения нормативности в поведении личности, предписываемой социально-статусными и социально-ролевыми комплексами. Ценностные детерминанты жизненных стратегий актуализируют анализ поведения личности как социальной индивидуальности и для избавления от статуса актора, движимого конкретными социальными обстоятельствами, операционализируются взаимосвязи конкретных социальных условий деятельности индивида и его субъективного отношения к ним в виде предрасположенностей (диспозиций) к оценке избранных жизненных стратегий [7].

В соответствии с такой формулировкой проблемы объективные факторы ценностной детерминации концентрируются на выявлении интерактивных взаимосвязей действующего субъекта, установок к совершению определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности. Интегративным объективным фактором является ценностно-нормативная сфера жизненных стратегий, в которой структура является системой норм и правил, институты определяются выбором ценностей.

Включение ценностных ориентаций в структуру личности является определением общесоциальных регулятивных механизмов, где ценности выступают выполняющими нормативные функции, то есть объективны по отношению к субъективному восприятию, к субъективному опыту, как имеющие универсальный смысл. Диспозиционная концепция, таким образом, определяет объективные факторы ценностной детерминации, как совокупность ценностей – регуляторов удовлетворяющих как цели повседневной жизнедеятельности людей, так

и высшие социальные запросы. Сложной является проблема адаптации индивидуальных социальных диспозиций к групповым интересам. Не устраняются методологические основания разногласий, вытекающих из влияния ценностей на смысловое упорядочение жизненных стратегий, особенно, если учесть, что детерминанты жизненных стратегий различаются по принятию социальных диспозиций (установок), реактивных, социально-фиксированных, фундаментальных [8].

Ценности становятся социальными регуляторами в рамках актуализации высших (фундаментальных) установок, что делает трудным исследование жизненных стратегий, формируемых «логикой повседневности». Субъектно-деятельностная парадигма, развиваемая в работах Л.Г. Ионина, А.И. Шендрика, О.Н. Наумовой [9,10,11], является обладающей объяснительным и аналитическим потенциалом. Объяснительным – в контексте аморфности и противоречивости ценностных ориентаций, содержащих когнитивный диссонанс в разрыве декларируемых ценностных позиций и выборе жизненных стратегий, где определяющим становится инструменталистский активизм, «безценностный» выбор.

Аналитическим – содержащим возможности актуализации критериев полезности, адаптивности, социальной ресурсности, символического капитала. В соответствии с методологическими процедурами объективные факторы ценностной детерминации жизненных стратегий определяются по направленности влияния на структурные и институциональные. Структурные фиксируют социальные различия (уровень доходов, профессиональная занятость, социально-имущественный критерий) как стимулы или барьеры на пути принятия социальных установок (диспозиций), направленных на конкретный ценностный выбор. Институциональные фиксируют различия в доступе к институциональным ресурсам, определяющим выбор ценностей для реализации жизненных приоритетов и целей, нормативной модели жизненного успеха.

В условиях социальной поляризированности российского общества структурные различия, как показывают результаты социологических исследований, приводят к тому, что изменяется конфигурация коллективистских/индивидуалистических ценностей. Дело в том, что социоструктурные факторы (ограничения) на принятие набора ценностей фиксируются в выборе ценности успеха, имеющего инструментальный смысл и не содержащий высших фундаментальных значений. Модель успеха предполагает ценностную нейтральность, которая выражается в том, что россияне используют алгоритм накопления ресурсов (образование, профессиональная переподготовка, информационная грамотность) [12]. Социоструктурные ограничения, действующие в контексте ценностной детерминации жизненных стратегий россиян, выражаются двояко: с одной стороны поведенческие установки определяются ситуативным выбором ценностей, что понятно в рамках ослабления интеграционного потенциала коллективистских ценностей, традиционно воспринимаемых как консолидационные, и с другой стороны – ориентированность на коллективистские ценности как признание невозможности реализовать чрезмерные социальные амбиции на основе формулы «власть и богатство».

Надежды на актуализацию среднего российского класса как носителя гражданских (медиаторных) ценностей, выступающих субститутом коллективистских (традиционных) не оправдались, так как средний класс в российском варианте сформировался на основе привязанности к государственной службе или занятости в сфере мелкого и среднего бизнеса. Поэтому жизненные стратегии российского среднего класса не обосновывают принятие таких гражданских ценностей как уважение к закону, гражданский патриотизм, социальная эмпатия, ответственный индивидуализм. Причина в том, что есть различия между «нормативным» средним классом и реальными социально-профессиональными слоями, которые причисляются к «обобщенному» среднему классу [13].

Существует ценностный парадокс, который заключается в том, что «обобщенный» средний класс ориентирован на субъективные критерии (социальная самооценка) и принимает гражданские ценности декларативно. В реальности руководствуется, в качестве интегративных профессиональными ценностями. Внутри «обобщенного» среднего класса структурные различия характеризуются несовпадением критериев доходности и не формируют общепринятую модель успеха, но являются основанием для того, что проводить раздел с «элитой» и низкодоходными социальными слоями.

Коллективистские ценности отрицаются в качестве пережитка «прошлого», уравнительности, зависти, неприятия индивидуального успеха. Профессиональные ценности являются спо-

собом легитимации жизненного успеха и детерминируют жизненные стратегии через принятие социально-фиксированных установок (диспозиций личности). Можно предположить, что структурные ограничения ставят пределы актуализации профессионализма не как групповой, а универсальной ценностью. Профессионализм в условиях избыточных социальных неравенств является инструментальной ценностью, не претендующей на смысл альтруистического профессионализма с элементами общественного долга и общественной ответственности.

Таким образом, структурные ограничения способствуют амбивалентности интегративных ценностей, что создает ситуацию периферийности, ближе к «ядру», мотивирующему социальное поведение личности, находятся ценности – маркеры, реализующие способы достижения жизненных целей в соответствии с моделью успеха [14]. То, что можно было бы объяснить когнитивным диссонансом, разрывом между декларируемыми ценностными ориентациями и реализацией жизненных стратегий, нуждается в понимании структурных ограничений как определяющих ценностный выбор, предпочтение конкретного набора ценностей, исходя из референтных критериев успеха, что способствует уходу от схемы «коллективистские – индивидуалистические ценности» к ценностям, которые можно интерпретировать как достиженческие, имеющие индивидуалистическую ориентированность, но вместе с тем поддерживающую жизненную стратегию для того, чтобы не подвергнуться риску социальной маргинализации или в радикальном варианте социальной эксклюзии.

Согласно принятой методологии исследования институциональные ограничения (факторы) ценностной детерминации жизненных стратегий в российском обществе, определяют «силу» влияния ценностей как социально-регулятивных. Очевидно, что в условиях институциональных деформаций, неравного доступа к институциональным ресурсам и доминирования неформальных институциональных механизмов, в обществе сложно достичь ценностный консенсус на основе базовых интегративных ценностей.

Институциональные акторы, социальные группы и слои, реализующие конкретные поведенческие модели, ориентированы на критерии функциональности в оценке эффективности институциональной системы. Здесь важным является критерий институционального доверия, который выражается в отношении к институтам власти и порядка и минимизируют влияние регулятивного потенциала ценностей тем фактом, что церковь является институтом «символического порядка», точнее, субститутом с миссией «нравственно-духовного» возрождения общества.

Как следствие институциональных деформаций, перекоса в институциональной иерархии в пользу «порядка», интегративные ценности не встроены в институциональные механизмы, и это обнаруживается в том, что по признанию Л.Н. Гудкова институты нуждаются в «морали» [15]. Другими словами, институциональные акторы действуют по схеме индивидуализации ценностей, создавая ситуацию конфликтности ценностных интерпретаций. Россияне поддерживают идею общего блага и доверяют институтам деятельность, воспринимается заботой об общественном и коллективном благе [16].

Но интегративность в рамках институциональных ограничений, связывается с аморфностью ценностного восприятия, с тем, что признавая реальность порядка, как ценности, определяемой «упорядоченностью жизни» и возможностью реализовать жизненные стратегии, как ни парадоксально звучит, 50% доверяющих православной церкви определяется ее «образом», традицией, но не реальным влиянием на утверждение духовных ценностей в российском обществе.

Можно предположить, что конфигурация ценностей в институциональной системе российского общества не актуализирует потребность в аксиологическом предназначении институтов. Институциональная среда характеризуется привязанностью к властным институтам, реализующим распределительную функцию, и доминирующая ценность порядка связана с запросом на «справедливость власти», правовое равенство, но не включает аксиологические ожидания, связанные с ценностями – идеалами. Восприятие институтов по критерию общего блага основывается на детерминации жизненных стратегий через «правильные» социальные установки, содержащие лоялизм по отношению к власти как гаранту стабильности и порядка.

Реально ситуация выражается в том, что институциональные ограничения нейтрализуют символические высшие ценности и способствуют снижению аттрактивности коллективистских ценностей, которые, согласно позиции респондентов, не являются социальными регуляторами, не ориентированы на социально фиксированные установки. Отсюда, ценность как высший смысл, переносится в сферу личностного выбора, приватной сферы, как общая формула

«жить в ладу с собой». Иными словами, социальная регулятивность ценностей (коллективистских и индивидуалистических) нуждается в морально-нравственных авторитетах в том, что можно охарактеризовать как ориентированность институциональных акторов на включение в институциональные механизмы процедур ценностной легитимации.

Результируя выводы по проблеме структурных институциональных ограничений (факторов) детерминаций жизненных стратегий россиян можно говорить о внутреннем ценностном конфликте между социальными сегментами общества, порождаемом влиянием социальной диспропорцией и институциональной деформацией. В нынешней российской ситуации ценностные детерминанты формируются по модели успеха, что является следствием социоструктурных различий и ценностей консолидационного характера под влиянием дифференциаций по социально-профессиональным и социально-имущественным критериям воспринимается как декларативные, альтернативным вариантом являются ситуативные ценности, разнородные по своему характеру, чтобы претендовать на статус интегративного [17].

Коллективные ценности утратили мобилизационный потенциал. Однако было упрощением считать, что доминируют индивидуалистические ценности. Модель индивидуального успеха не актуализирует запросу на ответственный индивидуализм, основывается на социально-фиксированных установках, подчиняющихся логике повседневности. Таким образом, ценностные детерминанты размываются и воспринимаются в контексте личностных и групповых интерпретаций.

Институциональные ограничения ценностных детерминаций жизненных стратегий выявляют слабость институциональных акторов формировать ценностные паттерны образцы для реализации институциональных механизмов. Если по логике «должного» положение сменяется в пользу социально-регулятивного потенциала ценностей, институциональная среда фиксирует тенденцию рационализации в рамках индивидуализации институциональных механизмов. Вместе с тем фиксирует воспроизводство формальных и неформальных норм, связанных с ценностями на уровне традиции или символического порядка. Восстановление разорванности ценностей и институциональных отношений содержит рациональное и прагматическое обоснование, но не подчеркивает мобилизующее значение ценностей для обновления общественной жизни.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. 448 с.
3. *Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб., 1997.
4. *Столович Л.Н.* Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994. 464 с.
5. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. М., 1974. 386 с.
6. *Grishchenko M.A., Serikov A.V., Skudnova T.D.* Structural determinants of life strategies: actualization of collectivist and individualistic values // Opcion. 2019. Т. 35. № Special Issue 22. С. 1152-1168.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013. 376 с.
8. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на юге России. Ростов-на-Дону, 2017. 452 с.
9. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 430 с.
10. *Шендрик А.И.* Культура в мире: драма бытия: Избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии. М., 2007. 702 с.
11. *Наумова Н.Ф.* Социологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988. 200 с.
12. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. Т. 2. М., 2016. 672 с.
13. *Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В.* Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2 (21). С. 71-95.
14. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе. Ростов-на-Дону, 2016. 366 с.
15. *Гудков Л.Н.* Негативная идентичность. М., 2004. 816 с.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М., 2015. 432 с.
17. *Чигрин В.А., Городецкая Е.Г.* Идентичность: особенности социологического дискурса // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 2 (2). С. 71-78.

***Grishchenko Mikhail Aleksandrovich*,** Director of the College, Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurs (2/104, Sergantova St., Rostov-on-Don, 344029, Russian Federation). E-mail: mihail_ag@mail.ru

COLLECTIVIST AND INDIVIDUALISTIC VALUES: OBJECTIVE FACTORS IN SHAPING THE LIFE STRATEGIES OF RUSSIANS

Abstract

Article is devoted to the actual problem of research of collectivist and individualistic values in the context of formation of life strategies of Russians. Based on the understanding of life strategies as behavioral practices aimed at the realization of life goals and priorities of the individual based on value orientations, the author of the article emphasizes the need to identify objective factors that limit or stimulate the influence of collectivist and individualistic values as the meanings of building and implementing life strategies. The main conclusion is that structural and institutional factors in the life strategies of Russians determine the actions of the success model that reflects sociostructural differences in Russian society and fix the weakness of institutional actors in the actualization of collectivist values as a result of unequal access to institutional resources. The social disposition of the individual contains socially fixed attitudes focused on reproducing instrumentalist activism.

Keywords: *life strategies, social disposition, structural restraints, institutional actors, collectivist and individualistic values, sociostructural differences, life goals, social change, individual freedom.*

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M.: Mysl', 1991. 299 p.
2. Bazovye cennosti rossiyan. Social'nye ustanovki. ZHiznennye strategii. Simvoly. Mify. M., 2003. 448 p.
3. Kagan M.S. Filosofskaya teoriya cennosti. SPb., 1997.
4. Stolovich L.N. Krasota. Dobro. Istina. Ocherk istorii esteticheskoj aksiologii. M., 1994. 464 p.
5. Drobnickij O.G. Ponyatie morali. M., 1974. 386 p.
6. Grishchenko M.A., Serikov A.V., Skudnova T.D. Structural determinants of life strategies: actualization of collectivist and individualistic values // Opcion. 2019. T. 35. № Special Issue 22. P. 1152-1168.
7. Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti: dispozicionnaya koncepciya. M., 2013. 376 p.
8. Mental'nye programmy i modal'nye modeli social'nogo povedeniya na yuge Rossii. Rostov-na-Donu, 2017. 452 p.
9. Ionin L.G. Sociologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie. M.: Logos, 2000. 430 p.
10. SHendrik A.I. Kul'tura v mire: drama bytiya: Izbrannye raboty po teorii i metodologii kul'tury, sociologii kul'tury, social'noj filosofii. M., 2007. 702 p.
11. Naumova N.F. Sociologicheskie aspekty celenapravlennogo povedeniya. M., 1988. 200 p.
12. Gorshkov M.K. Rossijskoe obshchestvo kak ono est'. T. 2. M., 2016. 672 p.
13. Volkov YU.G., Bineeva N.K., Posuhova O.YU., Serikov A.V. Social'nye nastroeniya i adaptivnye praktiki zhitelej Rostovskoj oblasti v kontekste rossijskoj povsednevnosti v usloviyah krizisa // Vestnik Instituta sociologii. 2017. T. 8. № 2 (21). P. 71-95.
14. Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshchestve. Rostov-na-Donu, 2016. 366 p.
15. Gudkov L.N. Negativnaya identichnost'. M., 2004. 816 p.
16. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 2. M., 2015. 432 p.
17. CHigrin V.A., Gorodeckaya E.G. Identichnost': osobennosti sociologicheskogo diskursa // Caucasian Science Bridge. 2018. T. 1. № 2 (2). P. 71-78.